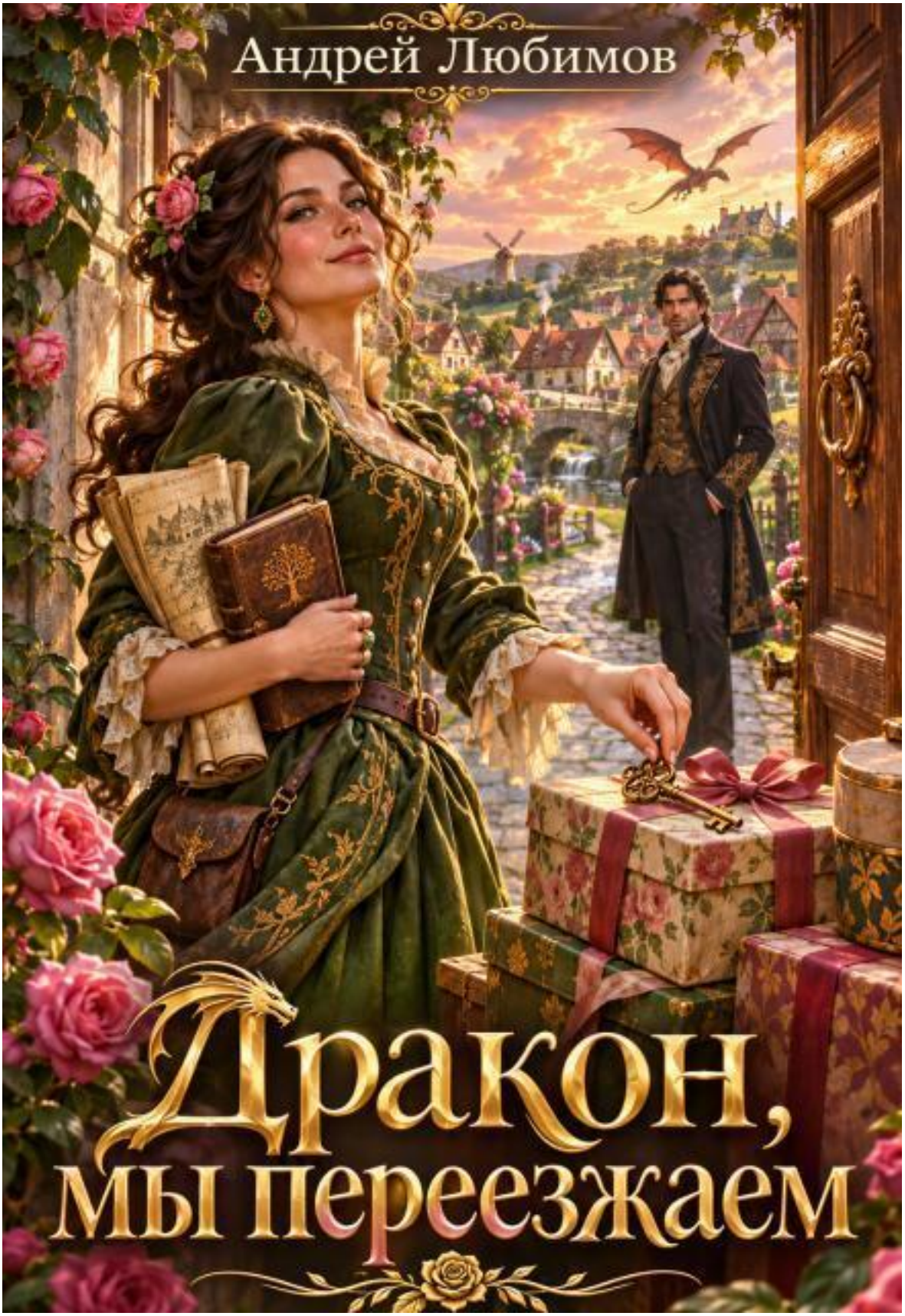

Андрей Любимов
Дракон,
мы переезжаем

Диана Фурсова

Дракон, мы переезжаем

«Литнет»
2026

Фурсова Д.

Дракон, мы переезжаем / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

В сорок семь лет Сабине Брандт приходится съехать из Каменного Двора. Она находит старый пансион с большим залом и уже представляет, как соседи снова сядут за один стол. Чтобы купить дом, нужно продать общий камень холода. Но у соседей свои планы.Теодор Вальд, дракон и столяр, помогает ей вынести застрявший шкаф, а потом зовёт на свидание. Когда за камень предлагают больше, у Сабины появляется новый шанс купить пансион. Вот только деньги обещают в январе, а Теодору уже в октябре нужно выкупить долю в мастерской.Сабина всё чаще ловит себя на том, что ждёт Теодора даже в те вечера, когда никакой помощи ей не нужно. Как договориться о будущем, если слово «вместе» они пока понимают по-разному?

© Фурсова Д., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Сначала вынесем шкаф 5
Глава 2. Место для синей чашки 8
Глава 3. Шесть дверей 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Глава 1. Сначала вынесем шкаф

Шкаф застрял так прочно, что Сабина успела подумать: придется жить здесь до ноября.

За ее спиной оставалась темная передняя склада. Перед ней, в щели между резной ножкой и косяком, виднелись кусок солнечного двора и сапог Теодора Вальда. Сапог был неподвижен. Его хозяин тоже молчал, хотя еще минуту назад обещал, что сейчас они немного повернут шкаф и все получится.

— Немного уже повернули, — сказала Сабина. — Теперь давайте обратно.

— Давайте. Только уберите руку сверху.

— Она ничего не держит.

— Тем более.

Сабина сняла ладонь с пыльной крышки. Под пальцами осталась чистая полоска. Шкаф принадлежал родителям Эрики и Пауля, а стоял в общей передней столько лет, что Сабина привыкла считать его частью стены. В нем хранили старые подушки, веревки, забытые кем-то рукавицы. Сегодня понадобилось освободить проход, и оказалось, что стена умеет двигаться. Недалеко.

Эрика, прижавшаяся к столу позади Сабины, осторожно спросила:

— Может, снять дверь?

— Снять, — согласилась Сабина. — Только прежде надо до нее добраться.

— Я про дверь шкафа.

Теодор коротко рассмеялся с той стороны.

Сабина посмотрела на широкую створку. Та была перевязана тесьмой, чтобы не распахнулась при переноске. Она сама принесла тесьму и с чувством выполненного долга завязала красивый тугой узел.

— Ну вот, — сказала она. — Хоть что-то у нас закреплено как следует.

Они вернули шкаф на прежнее место. Он прошел назад с обидной легкостью, и Теодор наконец появился целиком: в серой рабочей рубашке, с закатанными рукавами и прилипшей к бороде светлой щепкой. Сабина машинально показала на собственный подбородок.

— Здесь.

Он провел ладонью по щеке.

— Ниже. Еще ниже. Нет, теперь вы ее в другую сторону загнали.

— Тогда придется оставить. Все равно сегодня опять пристанет.

Она засмеялась и отвернулась к шкафу. От смеха стало легче, хотя в передней пахло старым деревом, пылью и тем холодным воздухом, который тянул из соседней кладовой, едва кто-нибудь открывал дверь.

Теодор вынул из сумки отвертку. Эрика развязала узел и подхватила первую створку, когда он снял её с петель. Сабина взялась за вторую. Без дверей шкаф выглядел удивленным.

— Мама говорила, его занесли собранным, — заметила Эрика.

— Возможно, он тогда был моложе, — сказала Сабина.

— Возможно, вход был шире, — ответил Теодор. — Накладку на косяк прибили позднее. Вон, дерево другое.

Сабина присела. Она видела эту накладку каждое утро, когда приходила за молоком, и никогда не думала, что та отнимает у прохода столько места.

— Ломать не будем, — сказала она.

— Не будем. Шкаф чуть наклоним. Эрика, можете постоять со стороны стены? Не под ним. Только скажете, когда угол пройдет.

Теперь они двигались медленно. Теодор держал верхний край, Сабина направляла нижний, чувствуя сквозь ткань юбки холодную деревянную ножку. Она приготовилась снова остановиться, но над плечом раздалось:

— Прошел. Еще немного.

Шкаф вышел во двор. Сабина выпрямилась и несколько раз встряхнула кистями. На солнце открылись царапины, которых в темной передней никто не замечал. Одну, длинную, возле замка, она помнила еще со времен, когда Леон был ростом с этот замок.

— Не сегодня сделали, — сказала Эрика, заметив ее взгляд. — Это Пауль санки к шкафу прислонил. Лет двадцать назад. Ему до сих пор кажется, что никто не знает.

— У нас сохранилось обвинение на двадцать лет? — спросил Теодор.

— У нас сохранились санки. Еще хуже.

Они перенесли шкаф под сухой боковой навес с решетчатой дверцей и поставили на две дощечки, чтобы ножки не касались земли. Створки Эрика прислонила рядом. До раздела семейных вещей шкаф оставался здесь: навес запирался, дождь внутрь не забивался, а проход в склад теперь был свободен.

Сабина посмотрела в открытую дверь. Там стало непривычно светло. На стене, раньше скрытой за шкафом, обнаружились следы старой голубой краски и два крючка.

На верхнем когда-то висел ее желтый плащ.

Не этот, нынешний, который она брала в город при малейшем намеке на дождь, а легкий, с непрактичными белыми пуговицами. Леон тогда еще жил дома и то и дело цеплялся за них рукавом. Она сердилась. Теперь ей вдруг захотелось увидеть на крючке хотя бы его мокрый шарф.

— Сабина?

Теодор держал снятую со шкафа тесьму.

— Вам оставить?

— Да. Она хорошая.

Он протянул ее без улыбки. Сабина свернула тесьму, сунула в карман кирпичного кардигана и только после этого поняла, как прозвучал ее ответ. Хорошая тесьма. Последний день октября уже стоял в календаре, а она собиралась спасать тесьму.

До последнего дня было еще почти два месяца. Извещение об окончании аренды пришло два года назад; карьер выработали прошлой осенью, людей давно устроили на другие работы. Никто не прибежал с внезапным приказом собираться. Сабина знала все сроки лучше соседей. Она сама напоминала о них тем, кто отмахивался: успеем.

Но пустое место за шкафом появилось только сегодня.

Эрика ушла за щеткой. Теодор потянулся, разминая плечо, и посмотрел на складской сарай.

— Покупатель на следующей неделе приедет еще раз?

— В среду. Посмотрит, как подойти к камню с тележкой. Восемьсот он подтвердил. Чистыми, как договаривались.

— Хорошо.

— Пансион завтра смотрим. Если вы все-таки захотите…

Она остановилась сама. Он уже говорил, чего хочет. Городскую мастерскую Сабина видела только снаружи, но знала, что Теодор собирается выкупить долю напарника. Именно для этого ему нужны были его сто крон из продажи.

— Я приеду помочь с замерами, — сказал он. — Вы просили. Но свою долю я всё равно заберу деньгами.

— Помню.

Он молчал, и Сабина зачем-то поправила край кардигана.

— Я не собиралась вас заманивать через черный ход. Просто там шесть жилых секций и большой зал. Мне кажется, вам было бы интересно посмотреть.

— Посмотрю. Мне и без переезда интересно, что вы выберете.

Ее смущение вдруг стало другим. Теодор сказал это спокойно и задержал на ней взгляд. У него были зеленовато-карие глаза и маленькая складка возле левого, заметная, когда он щурился.

Сабина много лет знала, как он выглядит. Оказалось, знала неточно.

— Тогда в десять у наших ворот, — сказала она. — Поедем на городском экипаже, а от конечной пойдём пешком, там близко.

— Встретимся у самого пансиона. Я приду из мастерской.

Эрика вернулась со щеткой и тряпкой, мокрой с одного конца. Сабина забрала тряпку, отжала над ведром и протерла крышку шкафа. Теодор придержал створки, пока Эрика выметала из петель пыль.

Во дворе Бруно нес пустую корзину. Увидев их, остановился.

— Наконец-то. Я десять лет говорил, что здесь надо освободить проход.

— Девять, — отозвалась Сабина. — Первый год вы предлагали поставить туда еще один шкаф.

Бруно подумал.

— Значит, я начал с проверки возможности.

Он поставил корзину у навеса и подошел помочь закрепить створки, чтобы они не упали. Никто не спешил. Сентябрьское солнце грело Сабине спину; щетка шуршала, Эрика жаловалась на пыль в волосах, Бруно вспоминал, где лежат мягкие прокладки.

Сабина поймала себя на том, что уже расставляет всех в новом дворе. Бруно там будет сидеть у южной стены. Эрика развесит свои цветные полотенца. Теодор…

Нет, Теодор будет жить в городе, как и сейчас.

Теодор затянул последний узел и обернулся.

— Руки покажите.

Сабина раскрыла ладони. Красные полосы от дерева постепенно бледнели.

— Ничего страшного.

— В следующий раз возьмем ремни. Они у меня есть.

— А почему сегодня не взяли?

— Я приехал посмотреть на маленький шкаф.

Она посмотрела на внушительное сооружение под навесом, потом на него. Оба засмеялись.

Когда Теодор ушел к остановке, Сабина еще раз заглянула в переднюю. Свет лежал на полу длинным прямоугольником. Там вполне поместился бы стол — небольшой, на двоих, у самой стены.

Она уже хотела сказать об этом Эрике, но та, не поднимая головы, заметила:

— Только ничего больше сюда не ставь. Мы ведь его для того и выносили.

Сабина закрыла рот, а потом улыбнулась.

— Я всего лишь посмотрела.

Глава 2. Место для синей чашки

Леон пришел, когда Сабина стояла на стуле и пыталась снять занавеску, не уронив карниз.

— Я думал, мы начнем с книг, — сказал он из дверей.

— Я с них и начала. Потом мне понадобилась старая простыня, чтобы завернуть переплеты, а она оказалась внизу, под тканью для занавесок.

Сын посмотрел на открытый сундук, на стопку книг у стены и на мать, придерживавшую карниз локтем.

— И ты решила сразу проверить, подходят ли новые?

— Пора же было.

Он поставил сумку, взялся за край стула и дождался, пока она спустится. Сабина принесла из сундука ткань: синие полосы, между которыми сидели неровные желтые птицы. Покупала она ее еще летом. Продавец назвал рисунок изящным. Леон тогда сказал, что у одной птицы выражение лица как у рассерженного счетовода.

Теперь он нашел ту же птицу и ткнул в нее пальцем.

— Эта переезжает первой?

— Эта смотрит, чтобы ты правильно завернул книги.

Он сел на пол. Сабина отнесла ткань к столу, расправила, отмерила на глаз кусок и удержалась от желания сразу принести ножницы. Окон будущего пансиона она пока не измеряла. Завтра Теодор поможет. Он, наверное, не станет говорить «должно хватить», стоя на стуле с карнизом в руках.

Она улыбнулась так некстати, что Леон поднял голову.

— Что?

— Ничего. Утром шкаф выносили. Оказалось, дверь надо снять.

— Входную?

— Вот и я так подумала.

Сын рассмеялся. Он смеялся тише, чем в детстве, но по-прежнему запрокидывал голову, и Сабине это нравилось. Она вообще любила, когда он приходил без особого повода, садился где попало, раскрывал сумку и находил в ней то яблоко, то пробный оттиск, то чужую бечевку, которую почему-то следовало вернуть в печатню.

Сегодня из сумки появились оберточные листы.

— На этих полосы смазаны, их все равно списали. Начальник разрешил забрать для упаковки. К книге только чистой стороной.

— Спасибо. Я бы купила.

— Знаю. Я уже принес.

Он взял первый том и сложил бумагу с такой точностью, что Сабина пододвинула ему еще два. В двадцать четыре года ее сын умел обращаться с листами значительно лучше, чем она. Зато кружку поставил прямо на рисунок будущего дома.

— Леон!

Он поднял кружку и увидел мокрый круг на полях.

— Я за пределами участка.

— Зато прямо на подписи.

— Кто тут уже расписался?

— Я подписала рисунок, Леон. Больше пока нечего подписывать.

Сабина промокнула пятно полотенцем. На большом листе были обозначены шесть жилых секций, общая кухня и зал. Она перерисовала план из объявления, сделав зал чуть шире, чем

следовало. Не намеренно: просто хотелось поместить внутри длинный стол, а маленький прямоугольник получался похожим на корыто.

Леон придвинулся ближе.

— А это твое?

— Возможно. Две комнаты, окна во двор. Но сначала посмотрим все вместе. Я пока нигде свое имя не писала.

— А тут?

— Маленькая. Можно поставить твою старую кровать. Когда приезжаешь…

— Я буду приезжать.

Она посмотрела на него.

— Что ты так сразу?

— Потому что ты уже нарисовала там мой стол.

Стол действительно был нарисован: темный квадрат под окном. Сабина провела по нему пальцем, словно могла стереть.

— Не обязательно твой. Любой стол.

— Мама, я продлил аренду комнаты над переплетной. До весны. Мне оттуда четыре минуты до работы.

Она знала, где он живет. Даже считала те самые четыре минуты, когда несла ему в августе чистое покрывало, хотя он говорил, что справится сам. Но продленная аренда на полгода вдруг придала его адресу основательность. Он не просто пока жил в городе. Он собирался жить там дальше.

— Там тесно, — сказала она.

— Зато никто не убирает мои сапоги, пока они еще нужны.

— Твои сапоги лежали посреди комнаты.

— Вот. У нас с тобой разные представления о свободном месте.

В его голосе не было упрека. Сабина вспомнила прошлое воскресенье: переступала через эти сапоги, переступала, потом все-таки отнесла их к стене, а он долго искал перед выходом. Ей стало смешно, но не совсем весело.

— Кровать я пока оставлю.

— Конечно. Только гостевую. Я даже обещаю иногда спать на ней, а не на твоем диване.

Он взял карандаш и рядом с квадратом написал: «Стол. Не Леон». Сабина отобрала карандаш, но надпись стирать не стала.

Сабина переложила ткань на стул. В дверь постучали. Пауль стоял с корзиной пустых бутылок, которые раньше хранил в холодной кладовой.

— У вас свет горит. Можно рисунок посмотреть?

— Заходи. На стул не садись, там ткань.

Он сел на край свободного дивана и положил корзину у ног. Леон подвинул ему план.

Пауль посмотрел на лист без того нетерпения, с каким смотрела Эрика, когда Сабина впервые принесла объявление. Сабина сразу поняла: сейчас он скажет, что ему это не подходит. И рассердилась на себя за то, что все еще ждала другого.

— Хорошие окна, — сказал Пауль. — Эрике понравится. Она опять про шкаф говорила?

— Мы пока его только вынесли.

— Я видел. Спасибо. Завтра сам займусь инструментами.

Он провел взглядом по шести секциям.

— А мне вот что нужно уточнить. Когда будут продавать камень, моя сотня отдельно остается? Я договорился смотреть квартиру возле литейной улицы. До моей мастерской оттуда пешком.

— Отдельно, — ответила Сабина. — Ты говорил. И Теодор тоже. Здесь шесть долей, не восемь.

— Хорошо. Эрика просила спросить, не понадобится ли ей вносить деньги завтра.

— Нет. Завтра я оставлю задаток из своих. Сначала все посмотрим и подтвердим, что идем дальше.

Пауль кивнул и поднялся, прихватив корзину. Сабина проводила его до двери. На пороге он задержался.

— Ты на меня не сердись. Я давно хотел, чтобы до работы было близко.

— Я знаю.

— Утром просыпаешься и понимаешь, что не надо ехать. Вот я хочу так проснуться.

Он сказал это с неожиданно мальчишеской улыбкой. Сабина улыбнулась в ответ. Такому желанию трудно было возразить, хотя в ее рисунке возле Эрики еще вчера вполне мог появиться брат.

Когда дверь закрылась, Леон уже завернул всю нижнюю стопку книг. Пакеты вышли аккуратные и совершенно одинаковые.

— А что где? — спросила Сабина.

Сын посмотрел на них.

— Сейчас подпишем.

— Ты помнишь?

— Первые три точно.

Пришлось раскрыть половину. Сабина читала названия, Леон писал их на полях смазанных оттисков. У одного пакета лопнула бечевка. Леон подал ей тесьму, которую она принесла после шкафа. Сабина завязала пакет, потом посмотрела на красивый узел и всё-таки заменила тесьму другим обрывком бечёвки.

— Оставляй, — сказал Леон. — У тебя еще полсундучка хорошего.

Она не стала спорить.

Позднее они поставили на маленький стол миску с печеными овощами и хлеб. Леон рассказывал про новый наборный станок: тот был удобным, но стоял так близко к стене, что двое работников никак не могли разойтись с листами. Сабина сначала хотела предложить перестановку, потом попросила нарисовать комнату. Сын нарисовал, и выяснилось, что переставлять станок некуда.

— Тогда вам придется становиться тоньше, — сказала она.

— Это мы уже обсуждали. Решили начать с бумаги.

После ужина Леон собрал себе небольшой сверток книг. Остальное оставил матери: теперь каждая стопка была подписана.

— Синюю чашку возьму? — спросил он.

Сабина посмотрела на его детскую чашку, давно стоявшую на верхней полке. На ручке остался маленький скол.

— Она тебе нравится?

— Нравится. Там у меня две разные, а эта хотя бы моя.

Она достала чашку, обернула чистым листом и отдала ему. Леон положил ее в сумку бережнее, чем рабочие оттиски.

Уже одна, Сабина вернулась к столу и разгладила план. Шесть жилых секций. Шесть согласий: ее, Эрики, Клары, Ильзы с Бруно, Ханны с Отто, Вернера с Гретой. По сотне — шестьсот. Все сходилось.

В комнате было тихо. На полке остался светлый круг там, где много лет стояла чашка. Сабина опустила взгляд на рисунок и дописала возле маленькой комнаты: «Для гостей».

Потом убрала карандаш и снова развернула ткань с желтыми птицами. Завтра она возьмет с собой узкую полоску, покажет ее у окна. Хотелось увидеть, как синий цвет будет выглядеть в новом свете.

Глава 3. Шесть дверей

У пансиона была тяжелая калитка с круглой медной ручкой. Сабина потянула ее на себя, потом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.